

ТРАДИЦИИ РУССКОГО ФОРТЕПИАННОГО ТРИО

Талли Поттер

Musical Opinion Quarterly – October-December 2021

Старая Российская империя импортировала многих музыкантов, но с конца восемнадцатого века она производила собственных композиторов камерной музыки, таких как Иван Хандошкин (1747-1804) и Дмитрий Бортнянский (1751-1825). Однако именно в девятнадцатом веке начался расцвет русской камерной музыки в том виде, в котором мы ее знаем.

Новая серия важных записей с участием выдающихся исполнителей московского Брамс-трио призвана проследить этот прогресс через призму фортепианного трио. Поскольку многие из композиторов были превосходными пианистами, эта идея имеет смысл, а прослушивание записей может стать приятным способом познакомиться с произведениями, которые редко, если вообще когда-либо, звучали в концертном зале. Планируется выпустить пятнадцать компакт-дисков в трех частях, и первая часть уже выпущена фирмой Naxos.

Исполнители начинают, что вполне логично, с ученика Джона Филда Александра Алябьева (1787-1851), наиболее известного своей песней "Соловей". Его мелодичная камерная музыка привлекла внимание Эмиля Гилельса и Бетховенского квартета, которые в 1940-х и 1950-х годах записали ми-бемоль мажорный фортепианный квинтет, ля минорное фортепианное трио, ми минорную скрипичную сонату и два струнных квартета. Брамс-трио начинает с его незаконченного ми-бемоль мажорного трио – издание одной сохранившейся части, сделанное Борисом Доброхотовым. Здесь мы недалеко ушли от мира Моцарта и раннего Бетховена, а романтизм только-только зарождается. Исполнение лирическое и очень красивое. Ля минорное трио 1820 года в трех частях начинается Allegro ma non troppo лирично, почти неуверенно, особенно запоминается вторая тема – партия фортепиано довольно витиевата. Восхитительное Adagio несколько кратко, но красиво расцветает. Рондо имеет безошибочно узнаваемый народный облик: вспоминаются финалы Моцарта в народном стиле, а также Бетховена, вплоть до "Эрцгерцогского трио". В эпизоде, напоминающем музыкальную шкатулку, выделяется фортепиано, но в целом этот финал – шанс для всех трех игроков «поработать пятками». Алябьев мог писать драматически, как в скрипичной сонате 1834 года, но трио – это приятные пьесы, подходящие для салона или концертного зала.

Конечно, здесь должен присутствовать Михаил Глинка (1804-57), и он действительно написал фортепианное трио, но для кларнета и фагота. К счастью, редакция для скрипки и виолончели, подготовленная великим чешским скрипачом и педагогом Яном Гржимали, работает хорошо, а Брамс-трио исполняет его так авторитетно, что она звучит так, как будто это оригинал. Я по-прежнему предпочитаю духовую версию, но в контексте данного проекта хорошо, что "отец русской музыки" представлен.

Патетическое трио ре минор было написано в 1832 году, во время плодотворного пребывания Глинки в Италии, но под воздействием физической и душевной боли: он страдал невралгией, но также испытывал муки разочарованной любви – на партитуре есть надпись на французском языке "Je n'ai connu l'amour que par les peines qu'il cause!" (Я познал любовь только через страдания, которые она причиняет!). Трио начинается с призыва к вниманию и поначалу кажется отражением наиболее итальянского, общительного стиля Глинки, поскольку за экстравертным *Allegro moderato* следуют Скерцо с трио (*Vivacissimo*). Патетический подзаголовок и надпись более оправданы в *Largo* – очень красиво сыгранном – и в тревожном финальном *Allegro con spirito*, где вновь звучат темы из предыдущих частей. После премьеры, которую композитор провел с друзьями из миланского оркестра театра Ла Скала, кларнетистом Пьетро Тассистро и фаготистом Антонио Канту, последний воскликнул: "Ma questo e disperazione! (Но это же отчаяние!). Когда Юргенсон опубликовал трио в 1878 году, на обложке были указаны скрипка и виолончель в качестве альтернативы духовым партиям.

Первый диск завершает соль минорное трио, соч. 15 № 2, Антона Рубинштейна (1829-94), колосса русской музыки как пианиста, дирижера, композитора, педагога и администратора. Старший из двух выдающихся братьев-музыкантов, родившихся на Украине, Рубинштейн учился игре на фортепиано у Александра Виллуана, который в 1840-43 годах объездил со своим юным вундеркиндом всю Европу. Гармонию и контрапункт он изучал у Зигфрида Дена в Берлине. Рубинштейн писал музыку – часто для собственного инструмента, но в том числе есть и такие крупные произведения, как опера "Демон". Будучи скорее европейским, чем "русским" композитором, он обладал врожденным мелодическим даром – его "Мелодия фа мажор" стала таким же хитом, как и до-диез минорная прелюдия Рахманинова. Он, конечно, не заслуживает той частичной безвестности, в которую он попал – в основном из-за недооценки ленивыми "экспертами". Его камерная музыка, включающая десять струнных квартетов, всегда заслуживает внимания. Альтисты благодарны ему за масштабную альтовую сонату, которую Давид Ойстрах играл на своем выпускном концерте; у скрипачей есть три сонаты, у виолончелистов – две. Трио соч. 15, первые два из пяти, написанных на протяжении всей его композиторской карьеры, датируются примерно 1851 годом, когда ему было около двадцати лет. WW Cobbett, обычно являющийся надежным гидом по камерной музыке, сбился с пути, написав, что они "не представляют никакого музыкального интереса и имеют значение только как юношеские попытки великого пианиста". Этот неверный вердикт показывает, что музыку нельзя правильно оценить, пока ее не услышишь. Исполнение Брамс-трио Трио соль минор заставляет меня почувствовать, что они сделали правильный выбор, представляя Рубинштейна именно этим произведением, с его типичным мелодизмом. Первая часть *Moderato* имеет прекрасную первую тему, а вторая тема даже еще прекраснее; можно отметить виртуозную фортепианную партию и высокоромантический стиль. За проникновенным *Adagio* следует

восхитительное 6/8 Scherzo (Allegro assai) и неистовый Finale (Moderato), который возвращается к первой теме Adagio перед героической кодой.

На диске 2 представлено самое знаменитое русское трио XIX века, ля минор, ор. 50, Петра Чайковского (1840-93), написанное в Италии в 1881 году в память о младшем Рубинштейне, Николае, которого Чайковский очень почитал, несмотря на то, что Николай отверг его си-бемоль минорный фортепианный концерт. Трио имело классические исполнения такими музыкантами, как Гилельс, Коган, Ростропович и трио Сука, и требует исполнителей высочайшего класса. Трагическая тема, первая из как минимум трех в массивном Pezzo elegiaco, создает траурное настроение. Вторая часть представляет собой тему, за которой следуют одиннадцать калейдоскопических вариаций, среди которых вальс и "ученая" фуга: композитор настаивал, что эти вариации не были предназначены для выражения подробностей личности или жизни Рубинштейна, но я думаю, что его протесты напрасны. Третья "часть" приносит еще одну вариацию, в большем масштабе, и коду, где возвращается трагическая начальная тема, за которой следует похоронный марш. Вариации были подвергнуты критике, и композитор санкционировал сокращения, но я всегда был в восторге от прекрасного полного исполнения, такого, какое дарит нам Брамс-трио. Этот опус задал тенденцию, в продолжение которой Рахманинов написал аналогичное трио в память о Чайковском, а Александр Гольденвейзер написал прекрасный цикл вариаций для фортепианного трио в память о Рахманинове. Однако до сих пор никто не написал вариаций в память о Гольденвейзере.

Чайковский делит диск с очень достойным ля мажорным трио Пауля Пабста (1854-97), которое продолжает элегический настрой, поскольку было написано в 1895 году в память об Антоне Рубинштейне - он умер в предшествующий год. Пабст, родившийся в Кенигсберге (ныне Калининград), был учеником Антона Дора в Вене и Листа в Веймаре, по национальности немец, но большую часть своей короткой жизни он преподавал в Московской консерватории. Allegro con brio очень красиво, хотя и с элементами тревоги, и заканчивается захватывающе; в нежном Интермеццо, менуэте, есть лирическое Трио с трелями; нежность и трели также окрашивают прекрасную элегическую «Ревери», которая довольно коротка. Финал начинается оптимистично, как будто семья Пабстов отправляется в веселое путешествие, но затем становится более серьезным; веселое настроение возвращается, затем следует фрагмент Maestoso и, наконец, похоронный марш. Трио в целом, безусловно, воплощает воспоминания Пабста о его дружбе с Рубинштейном.

На диске 3 представлены три произведения из так называемой "Могучей кучки", хотя эти произведения не являются в полной мере репрезентативными; действительно, до минорное трио 1897 года Николая Римского-Корсакова (1844-1908) и ре мажорное 1860 года Трио Александра Бородина (1833-87) должны были ждать публикации вплоть до начала двадцатого века. Трио Римского легко ложится на слух, хотя,

учитывая безудержный эксцентрицизм его оркестровой музыки и опер, всегда немного удивляет, что его камерная музыка так прямолинейно романтична. Allegro, радующее тремя темами, очень приятно; рондо выполняет роль скерцо, а за ним следует глубоко прочувствованное ля мажорное Adagio. Финал обещает фугированное письмо и расширенные речитативы, но переходит в слегка тревожное до минорное Аллегро; фугированное письмо возвращается перед зажигательным окончанием. Оставшись незаконченным, трио было завершено зятем Римского Максимилианом Штейнбергом в конце 1930-х годов.

Хотя Бородин занимает важное место в жизни любителей музыки, мы должны признать, что музыка была для него скорее увлечением, чем профессией. Он был важным химиком – одно из его открытий на днях всплыло в журнале "University Challenge" – и друзья в шутку надеялись, что он не слишком здоров, поскольку приступы нездоровья заставляли его сочинять дома. Его Трио осталось незаконченным: третья часть, наиболее близкая Бородину, с характерным крестьянским весельем, представляет собой очень позитивный менуэт, достойный Гайдна, с медленным Трио, и заканчивается ожидаемо; но финал был либо утерян, либо так и не написан. Открывающее Allegro con brio полно оптимизма и радости жизни; а романс, начатый продолжительным соло фортепиано, превращается в запоминающуюся песню, возможно, любовную.

Брамс-трио смогло представить и «третий палец» "Могучей кучки", благодаря тому, что Сезар Кюи (1835-1918) сделал переложение для трио одной из девяти своих фортепианных "Характерных пьес". Некоторые эксперты недооценивают Кюи, но то, что я знаю о его опере "Кавказский пленник", например, впечатляет. Фортепианный цикл 1887 года под названием "À Argenteau" посвящен графу и графине Мерси-Аржанто, а ре мажорная "Farniente" (буквально "ничего не делай") очаровательно ностальгична и именно в таком виде и получает свою мировую премьеру.

В отличие от этого, знаменитое ре минорное трио Антона Аренского (1861-1906) фактически получило свою мировую премьеру в записи на восковых цилиндрах самого композитора с Яном Гржимали и виолончелистом Анатолием Брандуковым: это сокровище было издано на CD. Родившийся в Новгороде, Аренский вырос в Санкт-Петербурге и учился у Римского-Корсакова, но еще ближе он был к Чайковскому, о чем можно судить по этому, первому из двух его Трио, написанному в 1894 году и посвященному памяти Карла Давыдова. Фортепиано начинает Allegro moderato, после чего скрипка, а затем собственный инструмент Давыдова, виолончель, вводит запоминающуюся тему, одну из трех, которые объединяются в репризе; первая тема возвращается в коде. В легком Скерцо $\frac{3}{4}$, использующем струнное пиццикато, присутствует певучее Трио. За ним следует глубоко чувствительная, проникновенная Элегия, плач по Давыдову с засурдиненными струнными; контрастная центральная часть несколько оживленнее. Рондо Финала начинается задорно, и эта основная идея чередуется с эпизодами, напоминающими о более ранних темах; печальная

начальная тема произведения вновь появляется к концу, уступая место стремительной основной теме рондо.

В одном томе с Аренским находится Трио ре мажор 1907 года другого протеже Чайковского, Сергея Танеева (1856-1915). Это тоже шедевр, хотя и не столь популярный, как его собрат. Иногда мне казалось, что сочетание композиторской жилки Танеева с мелодическим гением Чайковского дало бы идеального русского композитора; но в этой мечте не учитывается значительное мастерство Чайковского и далеко не ничтожный мелодический дар Танеева. Молодой человек был скрупулезным работником, и это Трио, посвященное Александру Гречанинову, несет на себе все признаки его тщательной подготовки и контрапунктического мастерства. *Allegro* имеет прекрасную первую тему, жизненно важную для развития произведения; партия рояля отражает мастерство Танеева, а заканчивается часть неистовой развязкой. Пружинистый эпизод, открывающий *Allegro molto*, имеет отголоски первой темы *Allegro* и приводит к искрометной теме с одиннадцатью вариациями, отличающейся лаконичностью и изобретательностью. Элегантное *Andante espressivo*, наполненное грустью, через скрипичную каденцию приводит к Финалу (*Allegro con brio*), основанному на главной теме *Andante*: его весеннее начало приводит к бурной разработке, тематически богатой и колеблющейся по настроению между первоначальной легкостью и более серьезными темами. На протяжении всего пути звучит потрясающий контрапункт. Танеев играл на премьере, но признался: "Мое фортепианное трио оказалось настолько сложным, что мне приходится проводить целые дни за роялем, чтобы выучить его к назначенному сроку".

Диск 5 содержит мировые премьеры трех замечательных произведений, датируемых 1910-12 годами. Владимир Дик (1882-1943) был родом из Одессы, великого плавильного котла музыки, но в возрасте 17 лет отправился учиться к Шарлю-Мари Видору в Париж, остался там и стал гражданином Франции в год создания его Трио, 1910. Его интересная карьера включала написание музыки для немого и разговорного кино, преподавание фортепиано, сочинение легкой музыки и издание музыки еврейских композиторов. В 1943 году он был арестован вместе с женой и дочерью гестапо и отправлен в Освенцим, где они были убиты через несколько дней после прибытия 30 июля. Трио Дика имеет медленное вступление: далее следует *Allegro ma non troppo* с безмятежной первой темой, но эта десятиминутная часть полна драматизма и напряженности, и заканчивается императивно. Нежное скерцо (*Allegretto grazioso*) чередует характер, напоминая баркароллу, с более легкой темой: струнные большую часть времени играют пиццикато. *Andante sostenuto*, объявленное драматическими аккордами фортепиано, имеет печальную атмосферу, почти продолжающую настроение баркароллы; оно заканчивается приглушенными струнными. В оптимистичном Финале (*Allegro con brio*) движущий порыв противопоставляется контрастной сладости, завершаясь грандиозной кульминацией.

Как и Дик, Сергей Юферов (1865-?1927) был родом из Одессы, но остался в России, учился у Александра Глазунова и Николая Кленовского в Петербурге, затем у Николая Губерта и Германа Лароша в Москве. Юрист и музыкант, он помог сформировать законы об авторском праве на музыку в своей стране. Список его произведений обширен, но, похоже, ему было трудно справиться с хаосом после революции 1917 года. До минорное трио 1911 года посвящено чешско-американскому скульптору Йозефу Кратине, с которым он, должно быть, познакомился во время своих европейских путешествий. Трагическое медленное вступление ведет к тревожной первой теме, Allegro – напряженное, с центральной кульминацией большого масштаба; движение затихает, но остается полным Страха, и имеет героическое завершение. Adagio дышит атмосферой колыбельной, с прекрасным письмом для скрипки, включающим трели и флажолеты; для струнных также используются засурдиненные звуки – роль виолончели в основном отражательная. Заключительное Allegro начинается мрачно, его главная тема имеет характер марша; в нем есть ностальгические эпизоды, возвращается первая тема начального Allegro, а хорал для струнных приводит к впечатляющей коде.

Брамс-трио разделяет эти крупные произведения до мажорным Трио 1912 года, соч. 104, Константина фон Штернберга (1852-1924), одним из нескольких произведений, написанных им для фортепианного трио, включая сюиту "В Италии", соч. 105, написанную в том же году. Штернберг родился в Петербурге в немецкой семье и обзавелся звездным списком фортепианных учителей: Мошелес в Лейпциге, Фридрих Вик в Дрездене, Теодор Куллак в Берлине и Лист в Веймаре. Как пианист он гастролировал по России, Европе и, начиная с 1880 года, по Америке, где и поселился, став гражданином США в 1886 году и основав музыкальную школу в Филадельфии. Четырнадцатиминутное до мажорное трио, его третье произведение, с самого начала имеет довольно солнечный настрой, Allegro con spirito напоминает придворный танец. Вторая часть состоит из приятной темы и семи коротких вариаций, включая мини-фугу и лендлер; а рондо (Allegro con umore) оправдывая свое название и будучи действительно забавным, доставляет большую радость. Кажется невероятным, что эти три трио были записаны впервые: один только этот том оправдывает проект.

Россия знала великие ансамбли трио солистов, самые известные в наше время – Гилельс-Коган-Ростропович и Оборин-Ойстрах-Кнушевицкий. Среди постоянных коллективов первостепенное значение имело Московское трио. Брамс-трио может сравниться с любым из них: когда я услышал их концерт в Лондоне в 2015 году, мне сразу показалось, что они выделяются среди своих коллег; а прослушивание компакт-диска с двумя трио Брамса подтвердило это впечатление. Все три музыканта – первоклассные виртуозы: Наталья Рубинштейн, которая поддерживает ансамбль своим великолепным пианизмом, – победительница Конкурса камерной музыки имени Йозефа Иоахима в Веймаре, а оба струнника – скрипач Николай Саченко и виолончелист Кирилл Родин – обладатели Золотых медалей Конкурса имени Чайковского. На протяжении многих лет

скрипачи в разных трио разочаровывали меня, но сфокусированная игра Саченко доставляет неизменное удовольствие. Родин, прекрасный виолончелист по любым меркам, хорошо сочетается с ним, и все трое играют как единое целое. Среди их наставников был Александр Бондурянский из Московского трио, так что они хорошо знают традиции. Пианистка и виолончелист преподают в Московской консерватории, и ансамбль ежегодно открывает сезон концертов камерной музыки в этом уважаемом заведении. Их диски Naxos, как обычно для этого лейбла, представлены довольно просто, но слушатели найдут полезными контекстуальные и аналитические примечания Ивана Муди – я сам так и сделал.

Во второй части будут представлены: Сергей Рахманинов, Владислав Алоиз, Александр Гедике, Александр Винклер, Пауль Юон, Николай Лопатников, Леопольд ван дер Пальс, Александр Черепнин, Якоб Вейнберг, Александр Гречанинов, Даниил Амфитеатров, Николай Рославец и Дмитрий Шостакович. В третий транш войдут: Георгий Свиридов, Борис Ключнер, Борис Чайковский, Александр Гольденвейзер, Виссарион Шебалин, Мечислав Вайнберг, Макс Фишман, Лев Абелиович, Эдисон Денисов, Альфред Шнитке, Валентин Сильвестров, Арво Пярт и Юрий Буцко. Почти 30 имен были вычеркнуты из первоначальной пышной схемы, включая Георгия Катуара, Арно Бабаджаняна и Родиона Щедрина, но это все равно геркулесовский проект.